

Дмитрий Иванович Писарев

Схоластика XIX века

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82.09
ББК 83.3

Дмитрий Иванович Писарев

Схоластика XIX века / Дмитрий Иванович Писарев – М.: Книга по Требованию, 2011. – 66 с.

ISBN 978-5-4241-2853-0

Пишущие люди забывают, что они пишут не для себя, а для общества, литераторы составляют замкнутый кружок; этот кружок внутри себя вырабатывает идеи и убеждения и передает публике результаты, которые часто оказываются понятными только тогда, когда мы знаем, как они вырабатывались и формировались; один кружок сталкивается в мнениях с другим, начинается спор, которого предмет остается темен для публики; между тем публика читает полемику, видит, как горячатся оба противника, и с любопытством следит за скандальною стороною дела. Не вините в этом публику; поставьте себя на ее место; представьте себе, что при вас происходит спор на непонятном для вас языке.

ISBN 978-5-4241-2853-0

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Писарев Дмитрий Иванович
Схоластика XIX века

Дмитрий Иванович Писарев
Схоластика XIX века

I

Развитие русской журналистики с каждым годом становится шире; возникают новые журналы и в короткое время приобретают себе значительный круг читателей; между тем старые журналы продолжают свое существование, и число их подписчиков нисколько не уменьшается. Периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственными умственными пищею для нескольких десятков тысяч людей. Большинство публики читает одни журналы, это факт, в котором мог наглядно убедиться всякий, кто жил в провинции и бывал в обществе какого-нибудь уездного города. Один экземпляр "Современника" или "Русского вестника" {1} читается целым городом, переходит из рук в руки и возвращается обыкновенно к владельцу в самом жалком, истрепанном виде, так что ему приходится только сказать: "Расчитали вдребезги". При этом некоторые отделы остаются совершенно не тронутыми и даже не разрезанными; отметить подобные отделы было бы, конечно, любопытно для физиологии общества, но я не с этой целью повел речь о распространении журналов в массе читающей публики. Кроме журналов, этой публике действительно читать нечего. Отдельные книги издаются теперь чаще прежнего, но их все-таки мало; кроме того, они имеют или научный, или учебный характер; это - или исследования, или популярные руководства, а учиться большинство нашей публики не желает, вероятно потому, что воспитание, данное ей в школе, было дурно и оставило после себя на всю жизнь полнейшее отвращение к тому, что отзывается школою или книжною ученостью. Сочинения Пушкина, Лермонтова и Гоголя знают почти наизусть люди, одаренные эстетическим чувством и сколько-нибудь развитые в литературном отношении; что же касается до большинства, то оно или вовсе не читает их, или прочитывает их один раз, для соблюдения обряда, и потом откладывает в сторону и почти забывает. Перечитать во второй раз художественное произведение потому только, что оно художественно или проникнуто глубокою мыслью, - это такой подвиг, которого возможность понимают далеко не все и на который решаются очень немногие. Между тем журналы неотразимою силою привлекают к себе этих господ: во-первых, они дают свежие новости; во-вторых, разнообразие, часто даже пестрота оглавления дает каждому все средства выбрать себе чтение по вкусу и по плечу; в-третьих, одна книжка не успевает еще приглядеться, как она сменяется новою, и провинциальный читатель следит за идеями и интересами века, не успевая соскучиться и не утомляя свой мозг усиленною работою. Все это было бы очень хорошо; литераторы и публика удовлетворяли бы друг друга, но дело в том, что на практике выходит совсем не то, что выходило в теории.

Пищущие люди забывают, что они пишут не для себя, а для общества, литераторы составляют замкнутый кружок; этот кружок внутри себя вырабатывает идеи и убеждения и передает публике результаты, которые часто оказываются понятными только тогда, когда мы знаем, как они вырабатывались и формировались; один кружок сталкивается в мнениях с другим, начинается спор, которого предмет остается темен для публики; между тем публика читает полемику, видит, как горячатся оба противника, и с любопытством следит за скандальною сторо-

ною дела. Не вините в этом публику; поставьте себя на ее место; представьте себе, что при вас происходит спор на непонятном для вас языке. Если вы не выйдете из комнаты, то вы, вероятно, почти невольно будете следить за выражением лица и за мимикой спорящих личностей. То же самое делает публика. О предмете ученого или литературного спора она судить не может, потому что спорящие литераторы большей частью забывают о ее существовании и не делают ни шагу для того, чтобы пояснить ей, в чем дело. Они ссылаются на иностранные авторитеты, на собственные сочинения или статьи, разбросанные по разным журналам или напечатанные лет десять тому назад, наконец на голос внутреннего чувства, как сделал Погодин на диспуте с Костомаровым или покойный Хомяков, восставая в "Русской беседе" против материализма. {2} Оправляясь по всем этим ссылкам мудрено; у публики недостало бы на это ни досуга, ни терпения. Следовательно, останется ей две дороги: или вовсе не читать спора, или, читая его, втихомолку посмеиваться над тем, как горячатся спорящие стороны. Публика так и делает.

II

Вопрос о народности, сближение с народом, изучение народности - эти слова слышатся на каждом шагу и встречаются на каждой странице наших больших журналов. Идея этих слов мудрено не сочувствовать, трудно в этих святых словах не видеть великой задачи времени, самого животрепещущего интереса нашей будущей истории. Но, с другой стороны, нужно быть в высшей степени доверчивым и добродушным оптимистом, чтобы от наших журналов ожидать действительного сближения с народом. "Русская беседа" в течение нескольких лет печатала дельные и основательные исследования Хомякова, Киреевских, Аксаковых, Беляева; "Отечественные записки" в прошлом году приложили к своему журналу целый сборник песен г. Якушкина; в "Светоче" во всех подробностях описана русская свадьба; "Современник" принужден выслушивать замечания со стороны "Отечественных записок" за то, что мало занимается народным элементом; новый журнал "Время" на интересах народности строит всю свою программу, {3} и что же из этого выходит, какие практические следствия ведут за собою все эти благородные стремления? Ровно никаких. Они дадут только будущему библиографу материалы, по которым он будет в состоянии сделать ошибочный вывод такого рода: "В половине XIX столетия вопрос о народности возбуждал к себе сильное сочувствие в читающей части русского общества". Этот вывод будущего библиографа я смело решаюсь назвать ошибочным, на том основании, что "Современник" и "Русский вестник" пользуются наибольшею популярностью, несмотря на то, что первый отличается космополитическим направлением, а второй занимается гражданской жизнью Западной Европы гораздо пристальнее, нежели интересами нашей народности. {4} Если, сверх того, принять в соображение тот факт, что "Русская беседа" существует почти без подписчиков, то нетрудно будет убедиться в том, что наша журналистика не успела приюхотить к ознакомлению с народностью даже ту часть публики, на которую она может иметь непосредственное влияние. О влиянии на простой народ, о фактическом сближении с ним путем журнальной литературы - смешно и говорить. Наш народ, конечно, не знает того, что о нем пишут и рассуждают, и, вероятно, еще лет тридцать не узнает об этом. Житейских, осознательных результатов он, вероятно, долго не увидит, потому что стремления не переходят в дело и остаются на страницах

журналов, к обойдной выгоде редакции и сотрудников. Что вопрос об эманси-
пации разрешился независимо от журнальных толков, в этом, конечно, нельзя
винить журналистику; эмансиация была делом правительства и совершается
административным путем. Но воскресные и бесплатные школы? {5} Это было
делом общества, а между тем этот вопрос прошел мимо журналистики, и жур-
налы ограничились тем, что отметили совершившийся факт на страницах своей
современной летописи или хроники. Не журналы возбудили этот вопрос, и ли-
тература не указала обществу на его насущную потребность, а только оговорила
эту потребность уже тогда, когда ее существование было сознано всеми, когда
уже были принятые меры для удовлетворения этой потребности. Любопытно
было бы знать, можно ли указать хоть на одно полезное дело, хоть на один живой
вопрос народной жизни, который был бы возбужден и решен нашими журналами
и который не остался бы на бумаге, а хоть на одну йоту увеличил бы материаль-
ное и нравственное благосостояние нашего народа. Я почти уверен, что ответ на
этот вопрос получится отрицательный. Причины этого явления я постараюсь
разобрать в самых общих чертах.

III

Внешняя физиономия нашего общества слагается, конечно, помимо литера-
туры. Наша журналистика не может иметь никакого влияния на решение адми-
нистративных вопросов, {6} следовательно, эту сторону дела я могу совершенно
выпустить из моего рассуждения. Само собою понятно, что статьи "Русского
вестника" об английском югу {Суд присяжных (франц.). - Ред.} или об английском
парламенте имеют для нас интерес чисто научный и нисколько не могут содей-
ствовать нашему гражданскому воспитанию, потому что граждан воспитывает
жизнь, а не книга. Точно так же понятно, что сблизиться с народом мы путем
журналистики не можем; сближается с народом тот, кто живет среди его, кто
видит его каждый день в разных видах и положениях, у кого есть с ним общие
интересы и общие стремления. Нет сомнения, что помещики лучше петербург-
ских и московских литераторов знают быт и характер простого народа; они
знают народ в самом будничном и непривлекательном виде; у них происходят с
ним ежедневные столкновения, которыми ожесточаются обе стороны; под влия-
нием этих столкновений у впечатлительного человека портится характер и
формируется мрачный и негуманный взгляд на личность русского простолюдина;
все это справедливо, но зато в основу этого взгляда ложится не теория, а непо-
средственный опыт, и вследствие этого понятие, которое сложилось в голове
практического хозяина о типических особенностях русского крестьянина, будет
всегда ярче и определеннее в частностях, чем понятие теоретика-литератора,
воодушевленного самыми бескорыстными и гуманными стремлениями. {7}
Практическое сближение с народом - дело до такой степени важное, что его
нельзя предпринять между прочим, толкая о Бокле и Стюарте Милле; какая-
нибудь поездка по России может оставить в воображении несколько типических
фигур, которые годятся для альбомного рисунка или для легкого литературного
 очерка; но внутренний смысл этих фигур дается не сразу и постепенно изменя-
ется по мере того, как вы подходите к ним ближе и вглядываетесь внимательнее
в их выражение и обстановку. Словом, журналистика, проводящая общечелове-
ческие идеи в русское общество, нуждается в посредниках, которые проводили
бы эти идеи к народу. В настоящее время народ еще не в состоянии сознавать эти

идеи, обращать их в свое умственное достояние, органически переработывать их силою собственного мышления; пусть он по крайней мере чувствует на себе их благотворное, согревающее влияние, русский крестьянин, быть может, еще не в состоянии возвыситься до понятия собственной личности, возвыситься до разумного эгоизма и доуважения к своему я: пускай же он почивает по крайней мере какую-то перемену в окружающей атмосфере, пускай почивает, что с ним обращаются господа как-то не по-прежнему, а как-то серьезнее и мягче, любовнее и ровнее. Такого рода перемена в обращении не укрылась бы от его внимания и изменила бы его нечувствительно для него самого. "Чем более вы будете обращаться с мальчиком как с джентльменом, тем скорее он действительно превратится в джентльмена" это основное положение американской педагогики, и это положение может быть применено к делу везде, где эманципация идет не снизу вверх, а сверху вниз. Чтобы русский мужик почувствовал "эту благодетельную перемену, нужно, чтобы наше провинциальное дворянство и мелкое чиновничество перестало быть тем, что оно теперь. Гуманизировать это сословие - дело литературы и преимущественно журналистики. Это дело, конечно, исполнимое сближения с народностью или гражданской реформы путем журнальных статей. Это дело требует дружных усилий и долговременного труда, но какое же действительное усовершенствование в сфере гражданской жизни не требует времени, труда, траты сил и единодушия? По крайней мере можно сказать одно: это - цель достижимая, и это, может быть, единственная задача, которую может выполнить литература и которую притом только одна литература и в состоянии выполнить. {8} Это среднее сословие, гуманизированное общечеловеческими идеями, может сделаться посредником между передовыми деятелями русской мысли и нашими младшими братьями - мужиками, в избу которых, конечно, никогда не заходят книжки журналов, стоящих 15 руб. сер. в год. Ни грошевые издания, о которых было говорено в мартовской книжке "Русского слова", ни "Народное чтение", {9} о котором нужно будет поговорить со временем, не принесут народу никакой чувствительной пользы. Эти книги написаны людьми, имеющими какое-то отвлеченнное, книжное понятие о народе, старающимися приоровиться к его потребностям и обнаруживающими в своих попытках полнейшую непрактичность, полнейшее незнание той почвы, которую они хотят возделывать. Но не забывайте, что в нашем обществе есть тысячи людей, понимающих наш книжный язык, носящих наш костюм, словом - господ, которые в состоянии прочесть и понять ученую статью в журнале и которые в то же время живут среди народа, в деревнях и уездных городах нашего обширного отечества. Эти люди поневоле выучиваются говорить с народом и присматриваются к его потребностям; эти люди по самому своему положению стоят на рубеже двух элементов, общества и народа, и как будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаний сверху вниз. Отчего же мы ими не пользуемся? Оттого, мне кажется, что до сих пор мало обращали на них внимания. Наша журнальная критика и журнальная наука могла особенно благодетельно действовать на это сословие, но, к сожалению, ни критика, ни наука не имели в виду этого класса читателей и не заботились даже о том, чтобы сделаться доступными им по форме. В настоящее время вы не найдете почти ни одной критической статьи, которая была бы вполне понятна человеку, не имеющему специальных сведений по тому кругу предметов, к которому относится статья. Обыкновенно-

му читателю такая статья представится непрерывным рядом намеков, в которых он будет смутно чувствовать какую-то общую связь, но в чем состоит эта связь и что говорят эти намеки, это останется ему совершенно непонятным. Опять-таки доказательство того, что если целые отделы наших журналов остаются неразрезанными, то виновата в этом не публика. Наши журналисты мечтают о гражданской жизни и о сближении с народом, и эти бесплодные мечты отвлекают их от настоящего дела, от действительной обязанности, от живого общения с тою сферою читателей, которая ждет от них притока знаний и идей. Кроме того, кроме этого мира благородных, но неосуществимых мечтаний, {10} у наших журналистов есть целый мир закулисных тайн, и намеками на интересы этого мира пересыпаны их критические обозрения и полемические статьи. Этот мир мелких личных неприятностей, мир литературного кумовства и нелитературных перебранок даёт себя чувствовать по временам в каком-нибудь журнальном скандале, которого "причина и истинная физиономия остаются непонятными для массы читающей публики. А между тем публику потчуют этими скандалами, и она *volens-nolens* {Волей-неволей (лат.). - Ред.} узнает факты, непонятные для нее и вовсе неинтересные.

IV

Но что же может и что должна сделать журналистика для той публики, которая исключительно занимается чтением журналов? Она должна разбить ее предрассудки и помочь ей выработать себе разумное мировоззрение. При этом она должна иметь в виду ту часть публики, которая способна подвинуться вперед, людей молодых и свежих, людей, способных принять истину и отрешиться от отцовских заблуждений. Для таких людей талантливый критик с живым чувством и с энергическим умом, критик, подобный Белинскому, мог бы быть в полном смысле слова учителем нравственности, да не той условной нравственности, которая осуждает г-жу Толмачеву, {11} а той широкой нравственности, которая желает только, чтобы человек был самим собою, чтобы всякое чувство проявлялось свободно, без постороннего контроля и придуманных стеснений. {12} Литература во всех своих видоизменениях должна бить в одну точку; она должна всеми своими силами эмансицировать человеческую личность от тех разнообразных стеснений, которые налагаются на нее робость собственной мысли, предрассудки касты, авторитет предания, стремление к общему идеалу и весь тот отживший хлам, который мешает живому человеку свободно дышать и развиваться во все стороны. А то ли делает наша литература? К большей части вопросов жизни, науки или искусства она относится как-то нерешительно, как-то вполовину, оглядываясь по сторонам, боясь колыхнуть авторитет, боясь оскорбить историю; эти оглядки, эти опасения часто имеют место в таком деле, в котором можно смело положиться на голос здравого смысла, в котором можно даже отдаваться внушению непосредственного чувства. Возьмем пример: пермская дама прочла на публичном чтении стихотворение Пушкина; корреспондент одной газеты описал это чтение, стараясь для удовольствия публики блеснуть яркостью красок и не жалея риторических украшений; сотрудник другой газеты, также для удовольствия публики, начинает глумиться над описанием первого и, давши волю своему неопрятному юмору, с размаху задевает имя и личность читавшей дамы. Дело, кажется, ясное! Оно ясно до такой степени, что о нем, может быть, и вовсе не стоило говорить, но правильное чутье некоторых наших

журналов показало им, что это - вопрос, для нас еще не решенный и требующий оговорки. Юморист газеты "Век" получил от лица нашей журналистики серьезный выговор за свои цинические выходки против личности женщины и за ретроградное направление своей статьи. Этот выговор можно было бы назвать донкихотством, если бы общественное мнение в России определилось настолько, чтобы все образованные люди решали в один голос важнейшие вопросы жизни. Но у нас решительно нет общественных убеждений; в каждом семействе происходит борьба между старыми понятиями и молодыми стремлениями; эта борьба и эти колебания порождают в жизни общества многое противоречащих друг другу явлений; например, молодая девушка приходит в университет учиться, а профессор старается выжить ее из аудитории циническим тоном своей лекции. {13} Очевидно, эта девушка и этот профессор расходятся между собою во взгляде на такой простой и понятный предмет, как образование женщины; они представляют борьбу двух диаметрально-противоположных начал, Домостроя и XIX века. Обе стороны открыто несут свое знамя и понимают свою несовместимость. Но не все члены общества становятся решительно на ту или на другую сторону; большая часть так называемых серьезных людей держат нейтралитет и становятся в самые разнообразные положения в отношении к предмету спора; они обсуждают его, вводя в свои суждения такое множество оговорок и ограничений, что сущность дела становится мало-помалу неясною для самых жарких защитников того или другого мнения; качая мудрыми головами, эти рассудительные люди обвиняют обыкновенно обе спорящие стороны в крайности и в увлечении и сами стараются выбрать золотую середину, А возможна ли эта середина? Попробуйте стать посредине между негром и плантатором, между самодуром-отцом и дочерью, которую насиливо выдают замуж, между мистицизмом и рационализмом. Примирения нет, и держать нейтралитет значит стоять совершенно в стороне и не принимать никакого участия в обсуждаемом вопросе. Нейтралитет, который стараются держать люди рассудительные, есть в сущности оптический обман, и, как оптический обман, он может быть опасен для неопытных глаз.

В нашем обществе есть много людей молодых, которые душою рады были бы пойти за светлыми и привлекательными идеями века, но которых останавливает, во-первых, то, что результаты этих идей совершенно расходятся с существующими формами жизни, и, во-вторых, голос рассудительных людей, выбравших мнимую золотую середину. Робость их неокрепшей мысли останавливается на существующем порядке и на авторитете. Чтобы помочь этим людям, надо пользоваться случаем, брать примеры прямо из жизни и на этих примерах показывать приложение общих правил и руководящих идей. {14}

Протест наших журналов против Камня Виногорова был положительно полезен; он показал обществу, как наше литературное большинство понимает права женщины, и показал не в теоретическом рассуждении, а на живом примере. Но нерешительность отношений к простому и ясному делу нашла себе представителей в двух значительных органах нашей журналистики. "Отечественные записки" приняли шутливый тон, говоря об этом событии в отделе русской литературы (1861, апрель, стр. 143); осмеяли как школьническую проделку всю историю протesta и посетовали о том, что толки о женщине не уяснили значения семейного начала в России. "Русский вестник" отнесся к делу гораздо строже; у него все оказались виноваты: и г-жа Толмачева, и фельетонист "Петербургских

ведомостей", и юморист "Века", и в особенности г. Михайлов и _спущенная им стая_. {15} На 17 страницах разбирается это дело, и разбор приводит к самым неожиданным результатам; сплеча высказываются смелые, по-видимому, мнения, которые на следующей же странице встречают себе такое же смелое опровержение. На стр. 24 говорится о том, что женщина в нашем обществе пользуется всеми разумными правами, а на стр. 36 прорывается признание, что "у нас девочка не легко отважится пройти одна по улице". Концы с концами сведены так, что вы при чтении не заметите противоречий, но если вы захотите отдать себе отчет в прочитанном, то общее впечатление выйдет самое смутное. Дело в том, что в подобном вопросе надобно отвечать ясно и категорически: да или нет. Меттерниховские полумеры, ответы и _да_ и _нет_ или _ни да_, _ни нет_ не приложимы и бессмыслены. Молодые женщины и девушки нашего общества чувствуют потребность учиться; у них пробуждается" деятельность мысли; вопрос в том, дать ли им книги в руки или нет, пустить ли их в университет или нет. Давая им книги и пуская их в университет, мы, мужчины, собственно говоря, ничего не делаем, а только устранием свое влияние и решительно не принимаем на себя никакой ответственности. Не давая книг и запирая двери университета, мы самым грубым образом посягаем на чужую свободу. Скажите же, в каком образованном обществе возможен такой вопрос? Ведь это все равно, что спросить печатно: нужно ли бить женщину кулаком или нет? Неужели для разрешения такого вопроса нужно обращаться к истории, уяснить значение семейного начала или ссылаться на права женщины перед Сводом законов, как то делает "Русский вестник"? Научный вопрос, историческое значение женщины в древней и новой России, можно обсуживать сколько угодно, и чем больше фактов вы наберете в летописях, тем полнее и серьезнее будет ваше исследование; но если вы в житейский вопрос вмешаете результаты ваших кабинетных трудов, то это будет напрасная траты времени.

А время вещь какая? {16}

Действительно, диалектические тонкости, в которые пускаются наши журналы по поводу самых простых и понятных вещей, как нельзя больше напоминают читающей публике знаменитого метафизика, свалившегося в яму и не решающегося без предварительного размышления схватить веревку, которую спускает к нему здравомыслящий человек. "Фразы засели нас", - говорит "Русский вестник" в своей статье о г-же Толмачевой (1861, март, стр. 37). Это совершенно справедливо. Когда нужно приложить к делу здравый смысл, когда можно дать волю непосредственному чувству, мы пускаемся в фразы и выдвигаем вперед вычищенную теорию; живой факт превращается в отвлеченное, безжизненное и бесцветное понятие; это понятие мы поворачиваем во все стороны; на целых страницах мы переливаем из пустого в порожнее и в заключение подводим такие результаты, которые на завтрашний же день, как мыльные пузыри, лопнут от движения жизни. Жизнь идет мимо литературы, и журнальные теории одна за другую сдаются в архив и умирают,

V

Жизнь наша бедна внутренним содержанием, а между тем и эта бедная жизнь с ее потребностями и стремлениями отражается довольно ясно только в изящной словесности. Наша изящная словесность во всех отношениях стоит выше нашей критики, так что во многих случаях критика не была в состоянии дать отчета о

художественном произведении, возбудившем всеобщее сочувствие в читающей публике. О "Воспитаннице" Островского не было сказано ни слова, а между тем как много говорит эта небольшая драма, какие живые личности и положения выступают перед воображением читателя! Если молчание критики о "Воспитаннице" произошло от невнимания, то это непростительная оплошность; впрочем, трудно сделать подобное предположение; вернее то, что у нашей критики недостало сил разобрать аналитически те явления, которые в стройных образах явились перед творческим сознанием художника; сознание этого бессилия и нежелание отделяться фразами от замечательного произведения делает честь добросовестности наших критиков; но самый факт бессилия явление действительно существующее и в то же время очень печальное. На изящную словесность нам решительно невозможно пожаловаться; она делает свое дело добросовестно и своими хорошими и дурными свойствами отражает с daguerrotипической верностью положение нашего общества. Во-первых, все внимание ее сосредоточено на среднем сословии, т. е. на том классе, который действительно живет и движется, для которого сменяются идеалы, взгляды на жизнь и веяния эпохи. Романы из жизни высшей аристократии и из простонародного быта сравнительно довольно редки, а явление писателя, подобного Марку Вовчу, писателя, сливающего свою личность с народом, составляет совершенное исключение. Это предпочтение наших художников к среднему сословию объясняется тем, что к этому сословию принадлежит почти все то, что пишет, читает, мыслит и развивается. Высшая аристократия и простой народ в сущности мало изменились со временем, например, Александра I; народ остался тем, чем был, и не переменил даже покроя платья; аристократия переменила костюм, приняла какие-нибудь новые привычки, но образ мыслей, взгляд на жизнь остались те же и по-прежнему напоминают век Людовика XIV. Что же касается до среднего сословия, то каждое десятилетие производит в нем заметную перемену; поколение резко отличается от поколения; идеи европейского Запада действуют почти исключительно на высшие слои этого среднего класса; этот класс наполняет собою университеты, держит в руках литературу и журналистику, ездит за границу с ученою целью, словом, он выражает собою национальное самосознание. Художник, который ищет человеческих черт, а не бытовых подробностей, психологического, а не этнографического интереса, естественно обращается к этому классу и из него черпает материалы. Борьба идей, а не личностей, столкновение понятий и взглядов возможны только в этом классе. Предмет борьбы и столкновения характеризуют собою эпоху, и притом так верно, что хороший критик по одному внутреннему содержанию художественного произведения, которого герои взяты из среднего сословия, может определить безошибочно то десятилетие, в котором оно возникло. Сравните "Героя нашего времени", "Кто виноват?" и "Дворянское гнездо", и вы увидите, до какой степени изменяются характерные физиономии и понятия из десятилетия в десятилетие.

Занимаясь преимущественно средним сословием, наша изящная словесность обращает свое внимание не столько на общество, сколько на человеческую личность. Психологический интерес в большей части наших романов и повестей преобладает над бытовым и социальным. Действие происходит обыкновенно внутри семейства и почти никогда не приводится в связь с каким-нибудь общественным вопросом. В этом обстоятельстве также отражается явление русской